

Н. Ф. СУМЦОВ

Сковорода и Эрн *

Эрн, московский профессор¹, в «Вопросах философии и психологии» дал ряд заметок о Сковороде², потом собрал их, дополнил, и в 1912 г. в Москве вышла толстая книжка о Сковороде, в 342 стр. Рецензенты, г. Турский в «Южном крае» (1913. № 11275), г. Д. Дорошенко в «Раде» (1913. № 78), дали не особенно благоприятные отзывы по причине большой тенденциозности и значительных ошибок во взглядах на украинского философа.

Первым делом должно отметить, что в лице Эрна объявился горячий ученик, сторонник и последователь Сковороды³, а поскольку Эрн для Украины совершенно посторонний человек, то и получилось, что он не понял Сковороду, хотя и пошел за ним вслед беспрекословно. Философия Эрна та же, что и Сковороды, только в другой, московской одежде, с прилаживанием к новомодному мистическому исканию Бога, Логоса, Высшего Разума, на манер философских идей гг. Булгакова, Лопатина и других деятелей московской школы.

Уже первая главная мысль Эрна не самостоятельная, а сквородиновская. Он устанавливает «две попытки принципиального самоопределения мысли, два самостоятельных метода умственного восприятия — ratio и логос». Ratio — это нечто среднее арифметическое из действительного разума всех людей в той степени, что доступна человеку вообще, а логос — это что-то значительно выше и больше, с теми корнями мысли в древности, что лежат в глубине «древнего родимого и зиждательного хаоса космической жизни», и одновременно духовного заглядывания в грядущее «в экстазе созерцания»⁴. Ratio Эрн отдает Западу, а логос стремится обрести для России, та-

* Это разыскание в сокращенном виде было напечатано в «Літературно-науковом віснике» (1918. Кн. 1. С. 41—49).

ким образом индивидуальную психологию вытаскивая на простор национальных переживаний. Под этой шумной и красочной грудой слов кроется в действительности хорошо известная мысль Сквороды о том, что каждый человек имеет два сердца — простое, человеческое, и вечное, божественное, и что нужно взирать на последнее и входить в его глубины.

К «старчику» Сквороде Эрн относится с большим почтением, но, на удивление, к тому народу, из недр которого вышел Скворода, он проявляет не только безразличие, а и даже презрение. Вместо того, чтобы послушать разумного совета Гёте:

Wer das Dichten will verstehen,
Muss ins Land der Dichter gehen⁵,

Эрн, наоборот, по отношению к Сквороде никакого «Land» не признает, из-за чего и получилась у него такая странная вещь, что никчемный дикарский народ дал великого морального, обрванного человека.

Как горячо и на все лады восхваляет и славит Эрн Сквороду, легко понять из таких его выражений: «Философия Сквороды цельная, глубокая и оригинальная», «Сквороду отличает редкое благородство вкуса», «Искренность, правдивость, сердечная простота песен Сквороды вне всякого сомнения», «Скворода имеет специфическую прелесть примитива, соединения гениальности с наивной и целомудренной скованностью культурных форм, и эта прелесть, как неповторимая, навсегда останется за ним», «Скворода, много превосходя Декарта последовательностью, сделал блестящую попытку... проложить совершенно новую дорогу», «Скворода смело может быть сопоставлен с двумя другими героическими типами философов — с Джордано Бруно и с Сократом», «по страстному стремлению к истине, не отступающему перед радикальной ломкой своей жизни, не боящемуся суровостей и лишений тридцатилетнего скитания и нищенства, фигура Сквороды одна из самых замечательных на протяжении всей истории человеческой мысли, и жизнь его есть одна из тех редких, чистых и благородных жизней, которыми по справедливости может гордиться человечество».

Так горячо Эрн почитает и славит Сквороду, и — и ясное дело — можно думать, что он хоть немного заинтересовался тем народом и той школой, откуда вышел славный «старчик». На удивление, о старой украинской школе, что воспитала Сквороду, нет ничегошеньки, а о том народе, который его родил и выпестовал, наплетена такая несурязица, что прямо жалость берет за даровитого автора, который проявил себя тут столь не-

просвещенным и неспособным, стыдно за ту российскую науку, что может давать такие никчемные плоды. Но послушаем самого Эрн: «Некультурность (?) почти бродячего (?) населения, не забывшего еще свою давнюю склонность к приключениям (?), только что начинающего оседать, сочетается с избытком природы». «Если душа Сквороды родилась в недрах космической жизни (?), то тело его родилось в стране варварской (!), полукультурной, в стране стихийной природности (?). Если формой реального целого Сквороды было умопостигаемо-логическое, то материей послужила грубая (?), своеобразная, стихийная (!) плоть малоросса-казака XVIII в.». «Наряду с орлиными взлетами мысли <...> плоские банальные соображения. Наряду с яркой образной поэтической речью, иногда сверкающей молниеносною красотой, церковно-славянская загроможденность, уснащенная “подлыми” словечками. Простонародная речь базарною (?) хаотичностью врывается в дифирамбически-восторженный, приподнятый “тон” изложения. В мышлении Сквороды, сильном, глубоком и стройном, есть элементы дурного провинциализма, а в его жизни, сосредоточенной, мудрой и праведной, дают о себе знать неукротенные (!) капли казацкой крови, бурлящей, тоскующей, упрямой и хаотичной».

Этаким дикарем представлял себе Эрн украинский народ и даже сам тому изумляется, «поистине достойно великого удивления, что сын грубой (!?) казацкой среды становится, быть может, образованнейшим русским человеком XVIII столетия», далее еще раз удивляется, что «при таком родстве» из Сквороды вышел мудрый человек.

Таким способом Эрн одним махом отрезал Сквороду от украинского народа и украинской школы, сделав его вдруг «русским человеком». На всю его жизнь и философию Эрн смотрит через российские очки, сравнивая с ним то Льва Толстого, то Вл. Соловьева. Не предполагал знаменитый украинский старчик XVIII в. такого философского товарищества из россиян XIX века⁶.

Удивительно, что Эрн, раз за разом пользуясь превосходным жизнеописанием Сквороды его талантливому ученику Коваленского⁷, проглядел то, что Коваленский говорит про большую привязанность Сквороды к родному краю, что он Полтавщину, где родился, любовно называл матерью, а Слобожанщину, где более всего обретался, теткою, из-за любви к ней. Еще более интересно, — Эрн сам признает, что «Скворода всегда любил природный язык свой». У того же Коваленского находим ценное указание, что Скворода незадолго до своей смерти, 73-летним старичком, приехал к Коваленскому в его имение

Хотетово в 25 верстах от Орла, и как Коваленский ни упрашивал его остаться здесь на долгую жизнь, старый и больной Скворода не согласился, ибо имел «всегдашнее отвращение к краю сему». Он в скором времени собрался в новое далекое путешествие домой, чтобы умереть на любимой ему Украине.

Совсем не ясно, с какой стати Скворода становится у Эрн «первым русским философом», «первым ростком», «родоначальником русской философской мысли»⁸, если Московщина при жизни была для него краем чужим и неприятным, если в России его сочинения были запрещены, если ознакомление с личностью и творениями шло по крупицам с начала XIX в., главным образом в малоизвестных изданиях (статьи Вернета, Гесс-де-Кальве, Срезневского, Хиждеу). Первое издание сочинений Сквороды 1861 г. книгопродавца Лысенкова было небольшим и не имело распространения, так дело тянулось сто лет до харьковского юбилейного издания 1904 г. под ред. профессора Багалея, достаточно полного, с большой статьей редактора.

В действительности Скворода не «русский философ», а украинский, и только украинский, и не «первый росток», а последний роскошный цветок старой жизни, мировоззрения украинского народа, его старинной словесности, давней могилянской школы, кровный сын своего народа, его чуткое, красивое, любезное и многодумное детище. Чтобы понять как следует Сквороду, его мысли и чувства, нужно пристально всмотреться в культурную жизнь украинского народа, его старую школу и литературу. В следующих строках мы даем несколько фактических указаний на подлинно украинскую сущность Сквороды как личности и как философа.

Скворода родился в селе Чернухи на Полтавщине, в Лохвицком уезде в 28 верстах от Лохвицы.

В это время Полтавщина в административном плане была частью Киевского наместничества, с культурной точки зрения частью старокиевской культурной жизни.

Эрн спрашивает «чем была тогда Малороссия?» и отвечает с презрением: «Недавно присоединенная к России, она являла все признаки переходного быта. Отрекшись от своего удалого, дикого (?), героического прошлого, она надевала на вольные плечи хомут (!) гражданственности (!!)", попросту говоря, ярмо крепостничества, стяжательства и унижения»⁹.

Эрн, упомянув вслед за Коваленским, что отец отдал Сквороду в киевскую школу, и тут не утерпел, чтобы не прибавить: «для казака этого много».

Удивляемся, почему ж это казаку школьная наука была «много», если казаки всегда стояли в ближайших отношениях со школой, щедро ей помогали и внимательно наблюдали за ее добропорядочностью. Когда в XVII ст. много ей придали латыни, то казаки собирались разогнать учителей и учеников, чтобы часом не было от латыни какого вреда для православия.

Личность и философия Сквороды очень сложны.

С одной стороны, на Сквороде ярко запечатлелась жизнь его народа — быт, словесность, школа, со всеми частными ее приметам и особенностями, с ее схоластичностью, символизмом, риторизмом, литературностью в форме диалогов, басен, примеров, сравнений, библейских текстов и т. д.

С другой стороны, на Сквороде отразились влияния античности, Библии и патристики (отцы и учителя Церкви). В наши задачи сейчас исследования этих влияний не входят, мы можем тем легче их оставить, что в науке они обратили уже на себя пристальное внимание двух российских профессоров философии — харьковского профессора Зеленогорского, который тщательно рассмотрел влияние античности (Сократа, Платона и др.), и Эрн, который направил внимание больше на патристику (Максим Исповедник и др.).

Нас сейчас интересует только первая, национальная струя, которую российские ученые преднамеренно опускают, то есть не замечают души народа и из-за этого часто не в силах уразуметь красоту и силу души и сердца его великого сына.

Полагаясь чрезмерно на Коваленского, Эрн в разделе об «основных чертах душевного склада Сквороды» говорит словами Коваленского, что «дух Сквороды отдалял его от всяких привязанностей и, делая его пришельцом, присельником, странником, выделял в нем сердце гражданина всемирного». Как бы для подтверждения этой мысли сам Скворода в басне «Щука и рак» высказался в том же духе: «мудрому человеку весь мир есть отечеством, везде ему и всегда добро; ...оно ему солнцем во всех временах, а сокровищем во всех сторонах; не его место, а он посвящает место, не изгнанник, но странник; <...> в коей земле пришелец, тоей земли и сын». Хотя таким образом сам Скворода считает мудреца «всемирным гражданином», но лично он не подходит под такой общий аршин; красноречивые факты его жизни противоречат его мысли, значит, одновременно мыслям Коваленского и Эрн. У Сквороды были сильные «привязанности» к друзьям, особенно к Коваленскому, к родному краю, к современной литературе; потому и в жизни, и в сочинениях Скворода проявляет себя «гражданином» именно

Украины, так как только на Украине он хорошо себя чувствовал, а за границей, в Германии, Венгрии, в Москве, в Хотетове близ Орла, как ни хорошо да ласково его там не принимали, он долго не засиживался, и какой-то таинственный «дух» гнал его домой, в родной край, под ясное небо Украины, в наиболее милую ему Слобожанщину. Его звали на должности, привлекали щедрыми обещаниями, чтобы он остался на севере, где столько уже перебывало до него неверных талантливых украинцев, а он все бросал и шел на Полтавщину или в Харьковщину. У этого «всемирного гражданина» было чуткое украинское сердце, что он ярко и выразил в поэзии:

Ой ты, птичко жолтобоко,
 Не клади гнезда високо!
 Клади на зеленой травке,
 На молоденькой муравке...¹⁰

Это ж то самое чувство, которое позднее лет на сто прекрасно отразилось в дивном стихотворении Манжуры¹¹, слегка доработанном проф. Потемней:

Зіронька ясна, темненької ночі
 Завжди чужа і холодна нам здається,
 Квітці ж в степу радіють наші очі
 І серце мов рідне до неї сміється...

«Всемирный гражданин» желал «тихо скоротати милый век»¹² и в действительности коротал его главным образом по хуторам в объятиях природы. Эрн говорит, что Сковорода, «превратясь в нищенствующего (!?) бродягу (!!), сделался одним из самых замечательных русских культурных людей XVIII в.». Здесь слишком преувеличенно, и кроме того, Эрн совсем не понимает, что такое был на Украине «старчик». Видели ли кто-нибудь, чтоб из «нищенствующего бродяги» выработывался славный культурный человек? Такого чуда никогда не было, а в России тем более, ибо в ней уже в XVIII веке были заседатели, городничий и другие полицаи, которые взяли бы «бродягу» в узы. Сковорода был старцем, а старец не бродяга, но задумчивый религиозный человек, отчасти похожий на мандривных дьяков¹³, деятель просвещения, который переходил из города в город, из села в село, научая людей грамоте и пению, пока в царствование Екатерины II мандрованными дьякам не было запрещено вольное житье; они должны были приписаться к церкви, сделались церковными крепостными.

Возвращаясь к украинской старине, можно найти для Сковороды великого предшественника в лице Иоанна Вишенского¹⁴,

который тоже писал послания с религиозно-философскими идеями о жизни вообще, о классовых отношениях в особенности, против панской роскоши и спеси. «Чим ти ліпший од хлопа, — спрашивал он, — албо не тая ж матерія, глина і персть, или ти од камня утесан і не маеш кишок и слюзу холопського». Так писал Вишенский в начале XVII века, а через полтора года лет Сковорода писал, что «барская умность, будто простой народ есть черный, кажется мне смешной... И как это из утробы черного народа вылупились белые господа». Вообще, по демократическому направлению и по выразительному крепкому слову Сковорода — прямое продолжение Вишенского. Этот последний является одним из его подлинных духовных предков.

Сковорода был вегетарианцем, не ел мяса; временами употреблял добрую вишневку. В одном из его писем есть интересное указание, что он любил не только «ангельский хлеб», как он называл любомудрие, или философию, а порою в хорошей компании и чарку горилки, и раз в Харькове, как он говорит, даже «пировал и буянил»¹⁵.

Тут снова приходит на мысль Вишенский, те строчки, где речь идет о пьянстве монахов. «Тому неборакові в місяць раз тралиться напитися, і то без браку, що знайде, а по насиченю терпит, тот ку смычний и кувель оплакав и прощєніє од Бога прїял». Сковорода тоже признавал, что случайный вкусный кусок и кружка вишневки не вредит «ангельскому хлебу» добра и правды.

Философия Сковороды сурова и пессимистична. Тоска, скука, печаль часто звучат в его сочинениях.

Ах ты, тоска проклята! О докучлива печаль!

Грызешь мене измлада, как моль платья, как ржа сталь¹⁶.

В другом стихотворении: «Нема в світі правди, правди не зискати»¹⁷ эта тоска не только личностна, но и народна тоже, как отзвук народной судьбины, что видно в народной словесности, например, в старом вирше:

Хто на сім світі без долі вродився,
Тому світ марне, як колом точився;
Літа пливуть марне, як бистрії ріки,
Часи молодії, як дождю потоки,
Все то марне манаєть.

В другом вирше:

Прошли літа скоро, як бистрії ріки,
А я живу при нещасті через усі віки.
Віють вітри в степу, запрету не мають,
Ідуть мислі в день і вночі — спокою не дають.

Удивительные вирши по красоте мысли и выражения; они целиком соответствуют печальным стихотворениям Шевченко, напр. «Минають дні, минають ночі».

Рука об руку с этим индивидуальным пессимизмом идет пессимизм гражданский, народный, выработанный отдельными талантливыми людьми, напр. печальные песни про чайку-беднягу, про орла и сокола и др.

Эрн думает, что символизм есть выразительная черта философии Сковороды, и даже, не совсем кстати, зовет его отцом философского символизма: «Сковорода первый в новое время вернул символу серьезное значение». Исходя из этого Эрн даже составил особый раздел под названием: «Hieroglyphica, emblemata, symbola». Без сомнения, Сковорода проявил большую склонность к символике, но здесь он только усилил, и можно сказать, даже через край, то, что господствовало уже до него и в народной словесности, и в литературе, особенно в XVII в. в сочинениях Лазаря Барановича, Иоаникия Галятовского, Иннокентия Гизеля. В середине XVII в. Лазарь Баранович уже употреблял термин «эмблематическая поэзия». Под таким названием он понимал сложные рисунки или «форты» (офорты) в начале книг. Одну такую «форту» он весьма подробно объясняет в письме Варлааму Ясинскому, это рисунок в начале книги «Трубы словес проповедных». Очень ярко символика запечатлелась в «Ключе разумения» И. Галятовского 1659 г.; другие издания — 1660, 1663 и 1665 гг. — книга была весьма распространена на Украине. В одной проповеди Галятовского символами Христа являются корона, вечер, деньги; в другой — символами Пресвятой Богородицы — звездочки и т. п. В том, что касается символики, Сковорода был настоящим учеником старой украинской школы. Среди прочего Сковорода мимоходом упоминает некую таинственную символическую «Деву» — женственную сущность мира. Эрну эта «Дева» напомнила позднейшую «Богородицу — великую Матерь Земли»¹⁸ Достоевского и вечную «женственность» Вл. Соловьева, однако вся эта таинственная мистическая философия никакого отношения к Сковороде не имеет. Если хорошо поискать, то мы найдем его «Деву» в старой украинской школе и в старой словесности — виршах, колядках, щедривках, где она сравнивается с цветами, чаще всего с лилией. Это и есть прабабка сквородиновской «Девы»¹⁹.

Эрн подчеркнул любовь Сковороды к библейским текстам. Эту склонность тот тоже взял из старой украинской школы, более всего у Галятовского, который за сто лет до Сковороды

уже всю использовал Библию и усматривал в Священном Писании четыре смысла — буквальный, моральный, аллегорический и анагогический. Буквальный смысл относится к содержанию, моральный — к добрым нравам, аллегорический — к Церкви, что воюет на земле, и анагогический — к Церкви на небе, напр., Иерусалим имеет значение: 1) города, 2) души, 3) Церкви на земле и 4) Церкви на небе; последние три значения символичны. Скворода дальше развернул эти идеи, используя Библию²⁰.

Эрна поразила та черта в сочинениях Сквороды, что он «благочестивые мысли облекал в формы греческой мифологии» и одно свое стихотворение закончил словами:

Так живал афинейский, так живал и еврейский
Эпикур — Христос²¹.

Вещь удивительная, а все ж таки ее легко понять, припомнив давних украинских писателей, напр., Галятовского, в проповеди которого на Воздвижение крест Христов сравнен с трезубцем Нептуна и молнией Юпитера. Такие причудливые сравнения украинские проповедники позаимствовали в польской литературе.

Даже в мелочах Скворода следует за старой украинской словесностью, напр., в сравнении премудрости Божией с драгоценными камнями, как Галятовский на сто лет раньше построил целую проповедь на сравнении Христа с топазом, хризолитом и т. д.

Что Скворода уважал старую украинскую науку, об этом свидетельствует его почтение к Варлааму Лащевскому и Феофану Прокоповичу. «Есть сіе милое твореніе», писал он о трагикомедии Лащевского «Гонимая Церковь». В другом месте он снова уважительно вспоминает о ней и сетует, что она сгорела, в рукописи: «О пламень, поядшій Кіевскую бібліотеку, такіе и толикія манускрипты, коликую гибель сотворил еси?»²²

Используя целиком обширное стихотворение Ф. Прокоповича: «Я, Боже, Тебе нову песнь... воспою», Скворода добавляет: «Сіи стихи суть из победных песни Феофана Прокоповича, ректора Кіевскія Академіи... Почти президентом в Синоде. Вечная память». В этих теплых отзывах виден благодарный ученик Киевской школьной науки. Духовная благодарность была весьма присуща Сквороде и не раз ярко запечатлевается в его сочинениях.

Внешние формы тоже взяты Сквородой из старой украинской литературы, как-то: диалоги, басни, примеры, сравнения.

По мысли Эрн, обычная у Сковороды диалогическая форма «диктуется взволнованным душевным состоянием». Этого мало. Она заранее уже выработана была украинской словесностью, в которой встречается издавна и довольно часто, в виршах, в народных песнях, в вертепной драме. Эта литературная струя идет с давнишних времен. Она встречается в «Слове о полку Игореве», у Кирилла Туровского, у Нестора, вообще есть старая украинская форма.

Сковорода часто подчеркивает свои мысли баснями. «Друг мой, — писал он Коваленскому, — не презирай баснословія! Сей забавный и фігурный род писаній был домашній самым лучшим любомудрцам». В сочинениях Сковороды есть целый сборник басен — «Харьковскія басни» в количестве 30. Кроме того, отдельные басни разбросаны в тексте философских трактатов. Вообще, Сковорода широко распространил басню в литературном употреблении в противоположность старой украинской литературе, в которой она встречается изредка (у Вишенского, Петра Могилы, Радивиловского).

Стихотворения Сковороды «Сад божественных песней» стоят близко к старой схоластической литературе, отчасти напоминают «Огородок» Радивиловского, что вышел лет на сто раньше. Сковорода пел свои вирши, играя на сопилке или на бандуре.

Таким образом, Сковорода своей величественной фигурой и своими глубокими мыслями принадлежит к числу наилучших сынов Украины. Он имеет большое значение не в том смысле, что был, как думает Эрн, «родоначальником русской философской мысли», а потому, что на нем ярко отразилась украинская философия, выработанная на протяжении веков на почве жизни и школы. Сковорода — ее наивысшее явление²⁴. В скором времени Котляревский сыграл такую роль в изящной словесности, с той большой разницей, что философская жизнь украинского народа после Сковороды вскоре засохла и увяла, а литературно-художественная жизнь, с легкой руки Котляревского, пошла вверх, дала со временем новые великие ростки, начала более иль менее отражать на себе философские мысли украинского народа, стала великой защитой, крепкой обороной его слова, народности, национального чувства и самоопределения.

